Быстров Н.Л., Арсенова Т.А. *(Екатеринбург)*

О мотиве нежности в поэзии Бориса Рыжего[1]

Данное сообщение представляет собой попытку интерпретации мотива нежности в поэзии Бориса Рыжего. Надо сразу отметить, что это – лишь первый опыт, первое приближение к пониманию многообразия значений «нежности» у Рыжего и той роли, какую этот мотив играет в конституировании его поэтического мира.

На наш взгляд, «нежность» в стихотворениях Бориса Рыжего обладает характерными признаками мотива, поскольку это понятие у него, как правило, фиксирует константный способ мироотношения с устойчивой, хотя и меняющейся семантикой. Можно сказать, что «нежность» в различных своих аспектах выступает одним из инвариантных элементов художественной системы поэта.

Текстом, побудившим задаться вопросом о значении этого мотива, явилось стихотворение «Мне не хватает нежности в стихах...» (1999):

Мне не хватает нежности в стихах,
а я хочу, чтоб получалась нежность,
как неизбежность или как небрежность.
И я тебя целую впопыхах.

О муза бестолковая моя!
Ты, отворачиваясь, прячешь слезы,
а я реву от этой жалкой прозы,
лица не пряча, сердца не тая.

Пацанка, я к щеке твоей прилип.
Как старики, как ангелы, как дети,
мы будем жить одни на целом свете.
Ты всхлипываешь, я рифмую «всхлип»[2].

Лирический герой Рыжего – поэт – говорит о том, что его стихам «не хватает нежности». Для нас в данном случае важно, что у него есть отчетливое представление о том, *чего* «не хватает» (иными словами – о том, что такое «нежность»), и это представление, как можно предположить, является результатом более или менее длительного пути авторской концептуализации понятия нежности, т. е. такого оформления его смысла, при котором оно оказывается принципиально неотчуждаемым от мировоззрения и системы ценностей как самого автора, так и его поэтического

[1] Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Соглашение № 14.A18.21.0999.

[2] Рыжий Б. В кварталах дальних и печальных: Избранная лирика. Роттердамский дневник. М., 2012. С. 469. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи, с указанием страницы в скобках. Курсив везде наш.

alter ego. Что касается читателя, то для него это стихотворение может послужить стимулом к вопрошанию о том, как у Бориса Рыжего трактуется эта, как будто бы недостающая его стихам, но все же часто в них упоминающаяся «нежность».

Попробуем, хотя бы приблизительно, разобраться в том, что это такое – *нежность* в поэзии Рыжего.

Особенно часто лексема «нежность» встречается в стихотворениях периода 1994–1996 гг. Здесь она употребляется чаще всего в *обиходном значении*, в частности, как эпитет, указывающий на такие качества вещи, как тонкость, хрупкость, уязвимость. Вот, например, о снеге:

...за листком листок
на нем распустятся листы.
Такие нежные, дружок (112).

Или:

...любуюсь, как другие дерева
нежнейшей, горьковатою листвою
покрылись... (167).

В ранних стихах «нежность» – это и модус любовного отношения, близкий к ласковости, особой мягкости, бережному участию и т. д.:

Я скажу тебе нежно, дружок, я шепну невзначай... (70);

...Строки грустные, теплые, больные,
бесконечно нежные и совсем чужие (113);

Во сне была *и нежность, и любовь* (127);

Я счастлив, я молод, *я нежен, как бог* (126).

Еще одно, тоже вполне обиходное, значение «нежности» в стихотворениях этого периода – тонкое изящество, хрупкая красота, чистота, прозрачность, отчасти трогательность. Вот, например, о музыке:

Скрипач – с руками белоснежными,
когда расселись птицы страшные
на проводах, сыграл нам *нежную*
музыку... (91).

Нежность как свойство музыки здесь обычно проецируется и на образ музыканта:

Потому и лез, и совал купюры, –
чтоб играл, покуда сердца горели:
«Для того придурка, для этой дуры,
для меня, *мой нежный*, на самом деле» (74);

И мне печальны эти звуки,
мой нежный, милый, дорогой... (79).

К этому же ряду можно отнести «нежность» и в таком, например, двустишии:

Лица нежные ветреных пар
вдруг осыпались, словно цветы (66).

Особое место в ранней лирике Бориса Рыжего занимает «нежность» как показатель состояния осенней природы и некая общая характеристика осени, распространяемая и на самоощущение лирического «я»:

Сам потаскан, издержан,
чем тебя я прикрою?
По-осеннему нежен,
я любуюсь тобою (105).

О нежности в связи с осенью (как правило, косвенно) говорится также и в других стихотворениях, например, в первом из цикла «Летний сад»:

...уж слишком открыт этот вид
для сердца, увижу – сгорю.
Последнее, впрочем, болит
так нежно, что я говорю:
«Так значит, когда мы вдвоем
с тобою, и осень вокруг –
и камень в обличье твоем
не может не плакать, мой друг» (108).

Понятие нежности концептуализируется (т. е. как бы «вплавляется» в авторское мировоззрение, включается в его внутренние ценностно-смысловые связи и само их манифестирует) в более поздней поэзии Рыжего, начиная с 1996 г. и до последних стихотворений. Надо отметить, что здесь количество употреблений лексемы «нежность» гораздо ниже, чем ранее.

В этот период «нежность» сопряжена уже не просто с чувством хрупкого равновесия и общей «непрочности» жизни, но с ясным ощущением ее конечности, смертности. Это ощущение – когда все сущее видится не иначе, как в горизонте неизбежной смерти, – в высшей степени характерно для Бориса Рыжего. Смертность – наиболее очевидное качество вещей этого мира, и она же – единственно значимая перспектива существования лирического «я»:

Похоронная музыка
на холодном ветру.
Прижимается муза ко
мне: я тоже умру... (282).

Не удивительно, что самое точное слово, которым Рыжий определил

способ своего мировидения, – это слово *прощание*:

И на исходе сумрачного дня
я говорю вам, реки, травы, птицы:
я в мир пришел, чтоб навсегда проститься.
И, мнится, вы прощаете меня (175).

В этом контексте нежность может быть понята как форма отношения к тому, с чем или с кем сосуществуешь – прощаясь[3]. Интересный пример именно такой нежности, дает стихотворение «Вдоль канала» (1997). Приведем его целиком:

Когда идешь вдоль черного канала
куда угодно, мнится: жизни мало,
чтоб до конца печального дойти.
Твой город спит. Ни с кем не по пути.
Так тихо спит, что кажется, возможно
любое счастье. Надо осторожно
шагать, чтоб никого не разбудить.
О, господи, как спящих не простить!
Как хочется на эти вот ступени
сесть и уснуть, обняв свои колени.
Как страшно думать в нежный этот час:
какая боль еще разбудит нас... (177).

Здесь нежность – свойство «часа», т. е. самого времени. Это тот момент, когда жизнь более всего уязвима и беззащитна, причем на уровне не только «эмпирическом» (сон), но и более глубоком, онтологическом (конечность, смертность). В прозрачности «нежного часа» беззащитность спящих лишь обнажает их роковую финальную перспективу, делает ее предельно очевидной (на это указывает наречие «страшно» в предпоследней строке: «как страшно думать...»). Важнее всего то, что спящих невозможно «не простить», т. е., по существу, не *принять* – со всей трагичностью их быстротекущей жизни, с максимальной полнотой сочувствия к их смертности.

Философ и литературовед Михаил Эпштейн в эссе «Четыре стороны любви» говорит: нежность – это такое состояние, когда «любимое вдруг предстает во всей его беззащитности, как сплошная уязвимость, содранный кожный покров». Она движима стремлением «сохранить ... раскрывшееся тебе существо», «вернуться к его хрупкой данности»[4].

Нежность в стихотворении Рыжего именно такова: это форма «участного», как сказал бы М. М. Бахтин, оберегающего, однако по-своему твердого приятия жизни в ее неизбежной конечности. В каком-то смысле это –

---

[3] Ю. Казарин пишет о «нежности» Рыжего-поэта так: «И нежность его – не "поэтическая", не ритуальная, не игровая, – она онтологическая...» (Казарин Юрий. Голубое и белое в синем. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kulturmultur.com/novosti/2011/5/13/1782 [дата обращения: 01.05.2011]).

[4] Эпштейн М. Четыре стороны любви. [Электронный ресурс]. URL: http://www.topos.ru/article/4269 [дата обращения: 28.03.2013].

проявление жалости. Не случайно в одном из стихотворений 1998 г. Рыжий так перефразирует строку Мандельштама «Сестры тяжесть и нежность»:

Сестры «больно» и «жалко»... (353).

В связи с близостью понятий «нежность» и «жалость» интересно еще одно стихотворение 1997 г., в котором «нежность» стоит в несколько неожиданной и на первый взгляд странной смысловой позиции:

...А была надежда на гениальность. Была
да сплыла надежда на гениальность.

– Нет трагедии необходимой, мила
тебе жизнь. А поэзия – это случайность, а не неизбежность.

– Но в этом как раз
и *трагедия, злость золотая и нежность.*
Потому что не вечность, а миг только, час.

Да, надежда, трагедия, неизбежность (317).

Очевидно, речь идет о том, что гениальность – это «трагедия», быть поэтом – трагично. «Надежда на гениальность» предполагает обретение поэтического дара как чего-то «необходимого», т. е. чего-то такого, что может быть дано раз и навсегда. Но поэзия не сопрягается с необходимостью-неизбежностью, она случайна, и потому у человека нет никаких оснований надеяться (рассчитывать) на гениальность. «...В этом как раз / и трагедия», – утверждает поэт. Настоящая трагедия – в недоступности «необходимого» дара, притом, что сам этот дар трагичен по определению. Однако с «трагедией» здесь связаны еще и «злость золотая и нежность». Можно предположить, что под «злостью» подразумевается отношение к человеку некоей силы (скажем, судьбы), которая не позволяет ему быть гениальным, потому что щадит («золотая», т. е. *щадящая*, охраняющая злость). «Нежность», по существу, того же порядка: это нечто такое, что, не отнимая надежды, удерживает от желаемого, но – именно в целях пощады-защиты. Здесь нежность тесно сближается с жалостью и снова соотносится с конечностью, кратковременностью человеческого существования: «...не вечность, а *миг только, час*».

Дополнительные штрихи в семантику «нежности» у Рыжего вносит стихотворение «Над домами, домами, домами...» (1996). Напомним его вторую строфу:

Только пар, только белое в синем
над громадами каменных плит...
Никогда, никогда мы не сгинем,
мы *прочней и нежней*, чем гранит (213).

«Прочность» и «нежность» – как сочетаются эти понятия? Не противоречат ли они друг другу? Ясно, что «прочность» в данном случае – качество не физическое, а бытийное, и она косвенным образом связана с облаками, которые «на века, на века, на века» (здесь вечность облаков и «неба» как такового является показателем некоей абсолютной «прочности»). «Нежность» может быть понята в той же смысловой связке «мы» – «облака» (небо), поскольку именно здесь она способна раскрыться в самом устойчивом (неизменном, вечном), самом простом и как бы «первоосновном» своем выражении – стремлении сохранить чистую (исходно – витально-телесную) данность существования другого:

оглянись, поцелуй меня в губы,
дай мне руку, останься со мной.

Рискнем сказать, что «нежность» в данном стихотворении – это отношение к другому словно бы «с точки зрения» вечного неба, которое от человека ничего не требует, но при этом хранит, оберегает и, главное, принимает его.

Здесь можно учесть, что нежность – это, в самом широком смысле, любовь без претензии на обладание, сила, способная удерживать другого / других в их собственном бытии. Поэт-символист Вячеслав Иванов, обосновывая название одного из своих стихотворных сборников – «Нежная тайна», – говорил Евгении Герцык: «...Высшая сила – нежность! В высшей сфере нет обладания, нет насилия, ибо насилие над другим – ограничение своей силы»[5]. И здесь же – о том, что нежность есть «беспредельная», изливающаяся вовне сила – сила «одержания» (сберегающего держания) мира.

Отсюда – дополнительное (пусть и «стороннее») объяснение связи «нежности» с «прочностью». Нежность в данном случае – это предел силы быть, не навязывающей себя, все «одержащей», приемлющей, вплоть до того, что, по Платону, не имеет собственного эйдоса – ненужных вещей, продуктов распада, всякого рода мусора, которые в мире Рыжего тоже есть и тоже принимаются – едва ли не наравне с другим:

Гудрон и мел, цемент и провода.
Трава и жесть, окурки и опилки... (260).

Таким образом, получается, что нехватка «нежности в стихах» у Бориса Рыжего не так уж и велика (это, в общем, вопрос авторского самоощущения). Само это слово может и не употребляться, однако во всех случаях нежность остается устойчивой формой отношения к миру и жизни, позволяющей поэту их неизменно принимать и любить.

[5] Цит. по: Обатнин Г. Иванов-мистик. (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М., 2000. С. 80.